

- Голованевский А.Л. Факт, событие, явление как предмет лексикографического, грамматического и дискурсивного исследования // Филологические науки. – 2015. – № 4. – С. 3-9.
- Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. – 1983. – Т. 42, № 4. – С. 320-329.
- Дидковская В.Г. О лексической детерминированности фразеологических сочетаний в русском языке // Устойчивые фразы в парадигмах науки. Тула, 2015. – С. 117-122.
- Дубинский И.В. К вопросу о значении фразеологических компонентов // Вопросы семантики фразеологических единиц. Часть 1. Тезисы докладов и сообщений. – Новгород, 1971. – С. 23-28.
- Жуков В.П. Фразеологизм и слово: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – Л., 1967.
- Жуков В.П. О несоизмеримости компонентов фразеологизма со словом // РЯШ. – 1969. – №3.
- Жуков В.П. О семантической целостности фразеологизма // Вопросы семантики фразеологических единиц. Часть 1. Тезисы докладов и сообщений. Новгород, 1971. – С.28-34.
- Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. – С. 5-32.
- Леденева В.В. Слово Лескова. М.: ИИУ МГОУ, 2015. – 260 с.
- Мелерович А.М. О внутренней форме фразеологизма // Вопросы семантики фразеологических единиц. Часть 1. Тезисы докладов и сообщений. Новгород, 1971. – С. 58-66.
- Попов Р.Н. О роли архаичных элементов в структурно-семантической организации фразеологических единиц // Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч. 1 Тезисы докладов и сообщений. – Новгород, 1971. – С. 221-230.
- Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. Методы исследования фразеологического состава русского языка. – Орел-2010. – 273 с.
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 46, 49, 54-55.
- Тихонов А.Н. Семантическая членимость слова и фразеологизма // Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч.1. Тезисы докладов и сообщений. – Новгород, 1971. – С. 93-104.
- Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М., «Прогресс», 1981.
- Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И.Молоткова. – М.: «Советская энциклопедия», 1967.
- Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: «Просвещение», 1972.
- Шведова Н.Ю. Лексическая система языка. Слово и его описание в словаре / Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. – М.: Языки славянских культур, 2005.
- Шулежкова С.Г. Варьирование устойчивой фразы – угроза ее устойчивости или залог долговечности (К проблеме вклада В.Л.Архангельского в развитие фразеологии) // Устойчивые фразы в парадигмах науки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского. – Тула, 2015. – С. 35-41.

В.В. Денисюк (Умань, Украина)
Vasiliy Denysiuk

«ШЛЮБНЫЕ» ТРЕБЫ И ЧИНЫ В СВЕТЕ ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале «Требника» Петра Могилы)

«MARRIAGE» OCCASIONAL RELIGIOUS RITES FROM THE POINT OF VIEW OF PHRASEOLOGY (on the material of «Prayer-book», Petr Mogyla)

В статье на материале «Требника» киевского митрополита Петра Могилы проанализирован фразеологический мир треб и чинов, которые касаются непосредственно разных аспектов создания семьи – поведения молодых людей до и после вступления в брак, обрядов венчания, исповедания. Петр Могила использовал фразеологизмы, источником которых была Библия. Однако на фразеологию его треб и чинов заметное влияние имели украинский народный и польский языки. В большей степени это сказалось на грамматическом и лексическом уровнях. Новый украинский язык унаследовал большую часть засвидетельствованных фразеологизмов с соответственными языковыми изменениями.

In the article the author analyses the phraseological units of occasional religious rites (such as 'treba' and 'chyn') on the material of «Prayer-book», written by Metropolitan of Kyiv Petr Mogyla. They directly regard different aspects of contracting a marriage: the behavior of a couple before and after getting married, marriage ceremony, confession. Petr Mogyla used idioms from the Bible, the Ukrainian national and Poland languages also influenced the phraseology of his occasional religious rites. They mostly affected the grammatical and lexical levels. The new Ukrainian language inherited the most part of the given idioms with the corresponding language changes.

Ключевые слова: Петр Могила, украинский язык XVII века, памятники письменности, фразеологизм, фразеологическая единица, библейский фразеологизм, устойчивое словосочетание, семантическая структура.

Keywords: Petr Mogyla, the Ukrainian language of the 17th century, written records, idiom, phraseological unit, biblical idiom, collocation, semantic structure.

Личность Петра Могилы в истории Украины XVII века является одной из ключевых. Изначально представитель другого государства, получивший образование во Львовской братской школе, П. Могила свою дальнейшую судьбу связал с Украиной. С его именем связаны такие величайшие события исследуемого периода в культурной жизни украинцев, как реформы церкви и образования. Из-под его пера появились на свет «Евангелие Учительное», «Анѳологионъ, сирѣчь молитвы и поученіа душеполезныя въ душевную пользу иудеѡвъ»; «Евхологіѡнъ албо молитвословъ, или требникъ», «Катихисисъ сирѣчь исповѣданіе православныа вѣры католическіа и апостолскіа церкви восточныа», проповедь «Почение о Кресте Господа нашего и каждого христианина» и др. Религиозно-дидактические и богослужебные произведения Петра Могилы в языковом аспекте уже были объектом исследований украинских лингвистов (Г. Наенко («Запозичена та іншомовна лексика в “Требнику” Петра Могилы» [Наенко 2004]), О. Зелинская («Стилістичні особливості проповіді Петра Могилы “Хрест Спасителя і кожної людини”» [Зелінська 2007]), Н. Тома («Мова “Требника” Петра Могилы» [Тома 2009], «Мовні особливості казання Петра Могилы “Крестъ Христа Спасителя и каждого челоѡка”» [Тома 2010а], «Розвиток абстрактної лексики у творах П. Могилы (на матеріалі казання «Крестъ Христа Спасителя и кожного челоѡка» 1632 року)» [Тома 2010б], «Стилістичні особливості функціонування антонімів у творах Петра Могилы» [Тома 2014] и др.)). Отметим, что специфика использования фразеологического фонда в произведениях Петра Могилы пока что не нашла должного освещения в отечественном языкознании, что определяет актуальность нашей статьи. Источником для исследования послужил «Требник» Петра Могилы, составленный и изданный киевским митрополитом в 1646 году. Главная цель книги – дать украинскому духовенству практические рекомендации для совершения частных богослужений по разным случаям. Мы же остановимся только на тех «требях» и «передмовах», которые касаются разных аспектов создания семьи – венчания, отношений между женщиной и женщиной до заключения брака и после.

Сразу же обращает на себя внимание язык текстов: если в «требях», где Петр Могила дает рекомендации священникам, доминирует славянорусский язык, то в «передмовах», где большей частью проповедник размышляет, как должны себя вести представители обеих полов до и после вступления в брак, доминирует народный украинский язык. Все это нашло отражение как в использовании лексики разных тематических групп, так и фразеологизмов. Нельзя сказать, что исследуемые тексты изобилуют устойчивыми словосочетаниями. Причина этого – в жанровой специфике: церковь строго следила за прочностью семейных уз, все убеждения строились на использовании лексики с прямым значением, образность допускалась только в случае комментирования эпизодов из Святого Писания. Однако и эти тексты из сакральной сферы также не устояли перед «языковой революцией»: вслед за европейцами, украинцы перевели на народный язык Святое Писание – в 1561 году в Украине увидело свет Пересопницкое евангелие. Народная стихия в языке через понятность и доступность увеличивала и число используемых образных средств, одним из которых и была фразеология.

Так, раздумывая о супружестве в целом, Петр Могила для реализации значения «жениться» использует фразеологизм *поати въ жену*: *Никто же может свою сестру въ жену себѣ поати, понеже є(ст) втораго степени, сієсть: Петръ роди Георгіа, и Марію, се два рож(д)еніа, и два степене, сіи ўбо сего ради поати себе не можета* (Требник: 365); *Никто же может братанку свою сієсть, дщерь брата своего роднаго въ жену себѣ поати, понеже сүть третіаго степени* (Требник: 365); *Никто же можетъ стрійную сестру свою себѣ въ жену поати, понеже першіи нарицаютсѣ стрійніи братіа, и сүть четвертаго степени* (Требник: 365); *Никто же поати себѣ въ жену можетъ перше*

стрыной своєи сестры дщєрь, понеже патаго суть стєпєне (Требник: 367) и др. Отметим, что этот фразеологизм по частотности употребления далеко опережает другие. Как свидетельствуют приведенные примеры, компоненты устойчивого словосочетания не закрепились в каком-то определенном порядке. Фразеологизм имеет древние корни: с таким же значением он функционировал в памятниках письменности Киевской Руси, о чем свидетельствуют лексикографические труды (Срезневский II: 1341; СС: 495). А. Генсерский зафиксировал разные варианты этого фразеологизма в Галицко-Волынской летописи [Генсьорський 1961: 168–169]. Вариации лексического компонента устойчивого словосочетания детализировали общее значение, предопределяя как бы антропосемантический вектор одного явления – кто-то берет кого-то в жены или кто-то идет за кого-то замуж. Однако приведенные примеры явно указывают на доминирование и главную роль мужчины в этом процессе. Как свидетельствует «Словарь украинского языка XVI – первой половины XVII в.», фразеологизм с глагольным компонентом *пояти* еще функционировал в украинском языке середины XVII в. (СУМ¹⁶⁻¹⁷ 9: 177), постепенно перемещаясь на периферию фразеотематического поля «жениться» и уступая место структурно однотипному фразеологизму с компонентом, заимствованным из польского языка, который в XVI – XVII вв. имел большое влияние на украинский. Исследуемая фразеологическая единица была известна и в русском языке XI–XVII вв. (СРЯ¹¹⁻¹⁷ 18: 94–95). Продолжает она функционировать и в современном русском языке (Ожегов, Шведова: 624), однако новым украинским языком фразеологизм не унаследован.

Необходимо отметить факт лексической (*пояти (поати) / брати, жєна / малжонка*), а в некоторых случаях фонетической (*поати / понати*) и родовой (*малжонка / малжонкѣ*) вариативности компонентов: *Масишь волю добруюи не примушоную, и постановлений оумысль, понати собѣ за малжонку тую, которую тутъ передь собою видишь* (Требник: 807); ... *беру собѣ тебе за малжо(н)ку и шлюбую тобѣ, мило(ст), вѣру, и учтиво(ст) малже(н)скую, а и(ж) тебе не опущу аж до смрти* (Требник: 816); ... *беру собѣ тебе за малжонка, и шлюбую тобѣ милость, вѣру, учтивость, и послушенство малженское, а иж тебе не опущу ажъ до смрти* (Требник: 816). Приведенные примеры подтверждают слова В. Нимчука об активности конструкции «за + В. п.» для обозначения объекта замужества в староукраинском языке [Німчук 1983: 190]. В то же время они свидетельствуют и о становлении предложной формы фразеологизма. Составителями «Словаря украинского языка XVI – первой половины XVII в.» как устойчивое кодифицировано словосочетание *брати за себе / за себе брати* (СУМ¹⁶⁻¹⁷ 3: 57). Для зафиксированных нами фразеологизмов характерным есть наличие местоименных факультативных компонентов в дательном и винительном падежах и имени существительного объекта в винительном падеже, тогда как приведенные в историческом словаре примеры включают местоименный компонент в форме винительного падежа и имя существительное в форме винительного или творительного падежа.

Пропольское устойчивое словосочетание засвидетельствовано меньшее количество употреблений. Отметим, что его наблюдаем в текстах, где доминирует народный украинский язык: *Панна, з того и того дому, и парохїи, за помочу Бжїєю, замышляють в стань малженскїй вступити, претожъ напинаємъ васъ всѣхъ в обець, и кождого з особна, абы если кто вѣдаєть жкую покревно(ст), албо повиновацтво, албо дховный звязокъ, албо жкую колвекъ иншюю перешкоду межи ними быти, котора бы имъ з собою в малженство вступити заборонала, онюю з повинности намъ жко найрыхлѣй ознаймили, и о томъ напинаємъ разъ першїй, если есть першїй* (Требник: 361–362); *Повторе повинни целемъ пристойным не для похоти плотскои, а ни для щєгулногю потомства, але для напленна нба, през побожныхъ потомковъ в стань малженскїй вступовати* (Требник: 918); *Таковы(м) намѣренїєм и оный стїый мл(д)нцѣ Товїа в малженство вступуючи до Гã Бã мовиль* (Требник: 930); *Стеречися тебѣ всѣмъ потреба в малженство вступуючи(м), абы оумыслу ожєненя своєгю до роскошїй телесныхъ не прикладали, на(д) таковыми бовѣмъ дїаволь моць свою маєть* (Требник: 931). Обращают на себя внимание заимствованные

из польского языка глагольный компонент *вступовати* (Тимченко: 344), а также варианты для обозначения семейного союза, сожителства мужчины и женщины по взаимному согласию *малженство – станъ малженскій*, которые активно функционировали в польском языке XVI в. (SP¹⁶ 13: 127–132). В «Словаре украинского языка XVI – первой половины XVII в.» зафиксированы исследуемые фразеологические единицы для репрезентации семантики «жениться», одним из иллюстративных примеров есть цитата из «Требника» П. Могилы (СУМ¹⁶⁻¹⁷ 5: 56). Эти устойчивые словосочетания не вошли во фразеологический фонд нового украинского языка.

Говоря об искренности чувств между супругами, Петр Могила использует фразеологизмы с соматизмом *сердце*, ибо именно они, как считает проповедник, в наибольшей степени говорят о природе внутреннего мира человека. Лексема *сердце* сочетается с многими атрибутами, которые формируют оппозицию по линии «добро – зло» [Дидик-Меуш 2011: 46–47]. В исследуемых текстах мы зафиксировали только два атрибутива – *чистый* и *ширый*: *И сподоби ихъ въ старости маститъ ѿ достигнути, чистымъ ср(д)цемъ дѣлающихъ заповѣди твоа* (Требник 822: 840); *Где заразъ способъ описуєть тоси дѣховнои мл(с)ти, абы не была змышленаа, телеснаа, и збытечнаа, лечъ абы походила з чистогоу и з широгоу ср(д)ца, и з правого хр(с)тіанскогоу пре(д)савзата* (Требник: 932). Однако и эти контексты, представленные проповедником через призму христианских ценностей, нацелены на формирование в украинцев культа благородных, нелукавых, чистосердечных отношений. Фразеологизмы, в основе которых лежит атрибутивное словосочетание с лексемой *сердце*, широко засвидетельствованы в разножанровых памятниках украинской письменности XVI–XVIII вв.: *Стефа(н) воєво(да) ... блгопроизволи(х) ... чистим и свѣтлем сердцем* (1551, Сучава, DIR “А”, 7 // Картотека); *поведає(т) єв(г)листа и(ж) лѣпше є(ст) мѣти чистое ср(д)це ніжли оумытыи роуцъ непоскве(р)нены* (1556–1561, ПЄ, 68 зв. // Картотека); *Абы єсь ималь любовь выдѣ чистого сердца, и надежу добрую* (XVI ст., НЄ, 79 // Картотека); *Молѣмо са ѿ(т) всего ср(д)ца Бгѹ брате,.. тылко не вонтпливою вѣроу ... припадѣмо до него: не двоєдүшнымъ ср(д)цемъ, але ширымъ и стальымъ къ нему приступѣмо* (1637, Київ, УЄ Кал., 633 // Картотека); *длѧ того смоть (!) та(к) до(л)го зборонали постригү не и(ж) бысмо твого ... сп(с)ніа ширим ср(д)цемъ не зычили, и ты(м) которїи ... до г(с)да ... прити прагнүть* (б. м. н., XVII ст., І. Кас. О устав., 54 // Картотека); *Ісусе-Божє, поспѣшивый сіа докончати: Подай же ми и чистым сердцем тебе выславляти* (УП: 233); *Три окна повелѣшиа в банѣ сотворити, свѣт троичный вожделѣшиа сердцем чистым зрѣти* (Величковський: 97). Приведенные примеры из «Требника» Петра Могилы и из произведений других авторов только подчеркивают важность атрибутивного компонента, который стал своеобразным квалификатором норм этики и морали. Именно этот факт обеспечил указанным фразеологизмам доступность понимания, соответственно и популярность. Фразеологические единицы с атрибутивами *чистый*, *ширый* унаследованы новым украинским языком и продолжают функционировать в нем и ныне: *чистим сердцем* «искренне, с добрым намерением» (ФСУМ: 800), *ширим сердцем* «отдавая все силы, самоотверженно» (ФСУМ: 799).

Лексема *сердце* засвидетельствована еще в составе одного фразеологизма – *припала до ср(д)ца: Котораа помощница такъ припала до ср(д)ца економови тогоу свѣта човекови, же тежъ заволаць, мовачи: Се нинѣ кость ѿ(т) кости, и плоть ѿ(т) плоти моєа* (Требник: 916). Грамматические параметры фразеологической единицы говорят о народном ее образовании: предлог до + имя существительное в родительном падеже. Однако структура фразеологизма, участие в ней соматического компонента свидетельствуют о давности происхождения фразеологизмов такой модели. Сравни: *припадать к ногам, припадать к груди*. Видимо, причину образной трансформации устойчивого словосочетания с последующей лексической субституцией надо усматривать в барочной антропоориентации, которая на концептуально-языковом уровне как бы «расчленила» человека, превратив его сердце в квазиорган чувств. Примечательно, что эта языковая единица пополнила

фразеологический фонд нового украинского языка: *припасти / припадати до серця* «вызвать у кого-то симпатию, чувство любви, понравиться кому-нибудь» (ФСУМ: 696).

Супружество – это не одномоментный акт: сегодня повенчались, завтра можно разводиться. Супруги всю жизнь должны прожить в мире, согласии, любви и уважении, постоянно заботясь и помогая друг другу. Петр Могила этот «темпоральный» аспект подчеркивает с помощью фразеологизмов, в состав которых входят темпоролексемы, зачастую с противоположным значением. Так, проповедник советует молодым, которые начинают совместную жизнь, как говорится, с нуля, держать себя в руках, быть эмоционально сдержанными, проявлять заботу, внимание и уважение друг к другу. И если такие отношения будут постоянно, то в доме воцарятся совет да любовь: *Повиннисте притомъ шлюбѣ, которыє одинъ другому чинити маєте, цѣло заховати, а найпервѣй взаємную малженскую мл(с)ть, которая не тылко в дому все споражаетъ, и ажкобы днь ω(т) дна добра примножаєтъ ...* (Требник: 932). Фразеологизм имеет библейские корни. Еще И. Срезневский указывал, что источником этого устойчивого словосочетания есть первая книга Моисея «Бытие» (XXXIX, 10) (Срезневский I: 771). В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» фразеологическую единицу кодифицировано со значением «каждый день, изо дня в день» (СРЯ¹¹⁻¹⁷ 4: 216). С такой же семантикой фразеологизм зафиксировали составители «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (СДРЯ III: 134). Согласно данным «Словаря украинского языка XVI – первой половины XVII в.», фразеологическая единица в исследуемый период реализовала значение «день за днем, на длительное время» (СУМ¹⁶⁻¹⁷ 7: 229). В современном украинском языке фразеологизм продолжает функционировать в его предложно-падежных вариациях: *день від дня (за днем, по дню)* «постепенно, неукоснительно, с каждым разом» (ФСУМ: 226).

Еще один «темпоральный» фразеологизм, засвидетельствованный нами в исследуемых текстах, – *в день и в ночи*: ... *в оной Аннѣ той, которая живши з муже(м) своимъ седмь лѣтъ ω(т) паненства своего, а осмдесятъ лѣт и чтыри в вдовствѣ мешкаючи, неω(т)ходила з цркви, лечь постами и млтвами служила Пану в день и в ночи* (Требник: 924). Грамматические характеристики компонентов фразеологизма говорят об образовании собственно украинской формы. По данным «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)», устойчивое словосочетание функционировало в древнерусский период в беспредложной форме. Кроме того, падеж мог варьироваться – или винительный, или творительный. Связь между компонентами оформлялась с помощью соединительного сочинительного союза *и* (СДРЯ III: 133). Однако процесс формирования наречия как части речи в украинском языке оставил свой след и на рассматриваемом фразеологизме: предложно-именные формы (предлог + винительный или творительный падеж) впоследствии лексико-синтаксическим способом преобразовались в самостоятельные наречия с временной семантикой *вдень* и *вночи*. В «Словаре украинского языка XVI – первой половины XVII в.» (СУМ¹⁶⁻¹⁷ 3: 190) фразеологизм зарегистрирован в обычной и для современного украинского языка (ФСУМ: 71) форме со значением «постоянно, всегда». В реестр нового фразеологического словаря современного русского языка же вошел только вариант *днем и ночью* «непрерывно, круглые сутки» (ФССРЛЯ I: 677).

Проанализированный материал позволяет утверждать, что Петр Могила вошел в историю Украины не только как религиозный и государственный деятель, но и как личность, которая непосредственно участвовала в становлении украинского литературного языка и его норм. П. Могила активно использовал библейские и народные фразеологизмы, целесобразно вплетая их в метаязык треб и чинов. Произведения демонстрируют умение проповедника использовать стилистический потенциал этих языковых единиц, большинство из которых в полной или в трансформированной форме унаследовал новый украинский язык.

Литература

Генсьорський, А. І. Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). – К.: Наукова думка, 1961. – 284 с.

- Дидик-Меуш, Г. Скрушене серце, чиста душа і побожний умисель. Атрибутивна панорама староукраїнського тексту // Писемні пам'ятки: сучасне прочитання. – Львів, 2011. – С. 40–68.
- Зелінська, О. Ю. Стилiстичнi особливостi проповiдi Петра Могили «Хрест Спасителя i кожної людини» // Українська iсторична та дiалектна лексика. – Львів, 2007. – Вип. 5. – С. 308–317.
- Наєнко, Г. Запозичена та iншомовна лексика в «Требнику» Петра Могили // *Ukrainica I. Současnaa ukrajinstika. Problémy jazyka, literatury a kultury*. – Olomouc, 2004. – С. 62–66.
- Німчук В. В. Синтаксичнi функцiї приiменникiв // *История украинської мови. Синтаксис*. – К.: Наукова думка, 1983. – С. 131–230.
- Тома, Н. М. Мова «Требника» Петра Могили // *Magisterium. Mовознавчi студiї*. – К., 2009. – Вип. 37. – С. 87–89.
- Тома, Н. М. Мовнi особливостi казання Петра Могили «Крестъ Христа Спасителя и каждого человека» // *Лiнгвiстичнi студiї*. – Донецьк, 2010. – Вип. 21. – С. 307–310.
- Тома, Н. М. Розвиток абстрактної лексики у творах П. Могили (на матерiалi казання «Крестъ Христа Спасителя и каждого человека» 1632 року) // *Українська мова у ХХI столiтті: традицiї i новаторство*. – К.: IАЦ – Спейс-Інформ; ФОП Гудименко, 2010. – С. 17–19.
- Тома, Н. М. Стилiстичнi особливостi функцiонування антонiмiв у творах Петра Могили // *Magisterium. Mовознавчi студiї*. – 2014. – Вип. 57. – С. 98–103.

Условные сокращения

- Величковський – Величковський І. Твори. – К.: Наукова думка, 1972.
- Картотека – Картотека «Словаря украинского языка XVI – первой половины XVII в.». Хранится в отделе украинского языка Института украиноведения им. И. Крипякевича НАН Украины (г. Львов).
- Ожегов, Шведова – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.
- СДРЯ – *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. В 10 т. – М., 1988–2000.
- Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб, 1895–1912.
- СРЯ^{11–17} – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–24. – М., 1975–1999.
- СС – *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. – М., 1994.
- СУМ^{16–17} – *Словник української мови XVI–першої половини XVII ст.* Вип. 1–15. – Львів, 1994–2010.
- Тимченко – Тимченко Є. *Историчний словник українського языка*. Т. 1. – Харків; К., 1930–1932.
- Требник – Евхологіюнь або молитвословъ, или требникъ ... повеленіє(м) ѿ(т)ца Петра Могили. – К., 1646.
- УП – *Українська поезія. Середина XVII ст.* – К.: Наукова думка, 1992.
- ФССРЛЯ – *Фразеологический словарь современного русского литературного языка*. В 2 т. – М., 2004.
- ФСУМ – *Фразеологічний словник української мови*. – К.: Наукова думка, 1999.
- SP¹⁶ – *Słownik polszczyzny XVI w.* – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1981.

М.С.Зайченкова (Орёл)
M. S. Zaichenkova

СЕМАНТИКА СЛОВА В ЗЕРКАЛЕ ВРЕМЕНИ ОТ ПУШКИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

WORD SEMANTICS AS REFLECTED IN THE MIRROR OF TIME FROM PUSHKIN TO NOWADAYS

В статье на основе лексикографических источников характеризуются семантические преобразования в лексике русского языка от I половины XIX века до нашего времени.

In the article, based on lexicographic sources, semantic transformations in the vocabulary of the Russian language from the 1st half of the XIXth century to nowadays are characterized.

Ключевые слова: семантика, семантическая структура слова, полисемант, омонимия.

Keywords: semantics, semantic structure of the word, polysemant, homonymy.

А.С. Пушкина по праву считают основоположником русского литературного языка: «Значение Пушкина как основоположника нового русского литературного языка заключалось в освобождении «книжного» языка от всех стеснявших его до того условных стилистических жанровых канонов и разграничений, в том числе от социального в своей основе иерархического разграничения на «высокий», «средний» и «низкий» слог. Созданный Пушкиным новый слог имел только единственный, но двуединый стилистический критерий – «точности», адекватности словесного выражения на родном языке национальной специфики русской «мысли» на современном уровне ее европейской образованности. Тем самым Пушкин создал русский литературный язык общенационального значения,